

С. 19-21

25 ноября 1913 года в большом изящном доме-особняке на углу Лужнецкой и Вальной улиц с самого утра царило заметное оживление. В три часа дня здесь должна была состояться официальная передача собранной Алексеем Александровичем Бахрушиным театральной коллекции в дар государству.

Думал ли он, сын потомственного купца-кожевника, или «живодера», как их порой презрительно называли, что эта, в общем-то ничтожная юношеская страстишка, так, каприз молодого богатого купчика, интерес к различного рода театральным пустякам - фотографиям с автографами актеров обожаемого Малого театра, афишам спектаклей, деталям театрального костюма... - со временем превратится во всепоглощающую страсть, в цель всей его жизни и приведет к созданию первого не только в России, но и во всем мире театрального музея.

Двадцать лет собирал он коллекцию, и три года ушло на переговоры с Академией Наук. Наконец, решение было принято, и августейший Президент Академии Константин Константинович, используя свои родственные связи - он был дядей Николаю II, добился подписи царя под «Положением о музее».

«Исполнен долг, завещанный от бога мне, грешному», - крутились в голове пушкинские строки. «Да, грешному», - строго подумал о себе Бахрушин, выходя для встречи гостей на лестничную площадку. Но не в том грехе, в котором хотел его упрекнуть анонимный автор эпиграммы, напечатанной в сегодняшнем номере «Московского листа»: «Жаждой славы был

укушен с детства Алексей Бахрушин». Жажда славы! - он не думал о ней, подгоняемый ежедневным азартом, жаждой приобретения, боязнь упустить что-нибудь ценное... Нет, это не его грех! А вот жаль, что не смог порой уберечь, сэкономить деньги, потраченные на различные глупости, пирушки. А сколько интересных вещей прошло

в городской Думе отмахнулись от него, как от назойливой мухи. «Мы и так достаточно горя хлебнули с коллекциями Третьяковых и Солдатенкова, а тут еще вы!»

- А когда музей будет открыт для посетителей?

- Увы, господа, - развел он руками. - Работа предстоит огромная, и едва ли

ДЛЯ ПОЛЬЗЫ И СЛАВЫ РУССКОГО ТЕАТРА

мимо рук... Ему вспомнилось, как лет десять назад в музей заходил покойный Врубель и предлагал купить свои театральные эскизы. А он, дурак, отказался. А костюмы крепостных актеров, найденные им в одном из павильонов Кускова! Зачем ждал, когда приедет Шереметев, почему не уговорил управляющего, не украл, наконец... Бог бы его простил! Ведь потом все погбило в огне.

- Господин Бахрушин! - занятый своими мыслями, он не сразу заметил, как в прихожей появилась группа московских репортеров. - Почему именно музей передается в петербургское ведомство Академии?

- А потому, что московские власти не проявили должного внимания. - Голос Бахрушина дрогнул. Он вспомнил, как

в первые два-три года нам удастся осуществить регулярную посещаемость: очень много неразобранного материала...

Прозвенел дверной колокольчик, и сторож Михеич, одетый по случаю торжественного дня в белоснежный фартук с начищенной бляхой посередине, открыл дверь. Появился представительный пожилой мужчина в меховой шубе и бобровой шапке, горбоносый, со шрамом на правой щеке, и величественная и вместе с тем немного застенчивая дама.

- Боже мой! Мария Николаевна! Александр Иванович! - Бахрушин и сам не заметил, как очутился внизу. - Наконец-то!, - он помог Ермоловой раздеться. Она предстала в светлом шелковом платье с кружевной вставкой и в шля-

